

БАЙДАРКА - ЛЮБОВЬ МОЯ

Алексей Адрианович Овчинников

Байдарка – любовь моя (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9237559

*Байдарка – любовь моя... / А. Овчинников.: Библио-глобус; Москва; 2014
ISBN 978-5-906454-48-5*

Аннотация

Книга опытного туриста-байдарочника и спортсмена горно– и воднолыжника Алексея Овчинникова состоит из трех документальных повестей. В первой приведено описание захватывающего многодневного путешествия на байдарке по озерам Карелии с красочными картинами карельской природы и фауны, а также образа жизни и обычаев северных тружеников. Во второй автор описывает историю создания видового рекламного фильма о красотах озера Селигер, в котором он принимал непосредственное участие. В третьей повести рассказывается о жизни коллектива врачей на изумительном песчано-сосновом необитаемом острове посередине волжского разлива. Все повести, включенные в книгу, основаны на реальных событиях. Книга рассчитана на широкий круг читателей, особенно тех, кто любит русскую природу и водный туризм.

Содержание

Вступление	4
На байдарке по Карелии	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Алексей Овчинников

Байдарка – любовь моя (сборник)

Вступление

Еще в школьные годы я довольно много плавал на байдарке по разным рекам и озерам. Сначала у нас была разборная лодка, сделанная кустарным способом одним из отцовских знакомых, а позже нам удалось купить в спортивном комиссионном магазине (был такой на улице Чернышевского, теперь Покровке) подержанную немецкую байдарку фирмы «Клеппер». Мой первый поход был по верховьям реки Москвы по классическому маршруту от Тучкова до Звенигорода вместе с моими дядями Сашей и Никитой Живаго. Я учился тогда классе в четвертом или пятом. Потом мы с отцом плавали по Волге и Московскому морю от Калинина до Ивановской плотины, а позже не один раз побывали на озере Селигер и дважды спустились по речке Селижаровке до впадения ее в Волгу. Путешествовал я и по быстрой и порожистой Наре, а также по Пре и Оке, пройдя на веслах через удивительный Мещерский край. На первом курсе института мы с отцом задумали и осуществили большой маршрут по озерам Карелии, а в более старшем возрасте я со своими байдарками принял участие в съемках видового фильма об озере Селигер «Ищу попутчика», выпущенном студией научных и документальных фильмов. Уже став взрослым, с компанией своих коллег-врачей я дважды ездил на Рыбинское водохранилище, где мы жили на удивительном песчано-сосновом острове в пяти километрах от Борка. Каждый раз, путешествуя на байдарке, я всегда получал море впечатлений и удовольствия.

Некоторым из моих приключений и посвящена эта книга.

Автор

На байдарке по Карелии

Приключенческая повесть

Посвящается моему безвременно ушедшему отцу – архитектору художнику, профессору Мастеру спорта Адриану Алексеевичу Овчинникову, с которым мы вместе путешествовали и совместно подготовили эту повесть

Глава 1

Сборы и дорога

В августе 1956 года мы с отцом решили поехать с байдаркой в Карелию. О северных карельских озерах нам рассказал давний знакомый отца знаменитый горнолыжник и фотограф Вадим Евгеньевич Гиппенрейтер. Он бывал в этих местах и заразил нас рассказами о крае непуганых птиц, где утки подпускают к себе на 15–20 метров и где летом солнце почти не уходит за горизонт. Он же дал нам срисовать подробную карту этих мест, которая оказалась очень полезной в путешествии, но чуть не привела к серьезным неприятностям. Но всему свое время.

Плавание предполагалось серьезное, и сборы заняли много времени. Вся комната в нашей квартире на Чкаловской улице была завалена вещами. Палатка, спальные мешки, резиновые сапоги, ружья, патроны, рыболовная сеть, альбом и краски отца, казалось, никогда не вместятся в рюкзаки. Одни только мешки с разобранный байдаркой занимали целый угол комнаты. Мы хотели ехать с удобствами, и теплая одежда (все же ехали на Север), скворода для жарки рыбы и птицы, походный примус и канистра с бензином к нему как и другие мелочи, сулили комфорт и удовольствие во время плавания. Зато продуктов мы почти не взяли, так как надеялись прокормиться в этих диких местах с помощью сети и ружья. Когда садились в спальный вагон скорого поезда Москва-Мурманск, я подсчитал количество взятого с собой багажа. На нас двоих оказалось четырнадцать мест!

Целью нашего пути была станция Кандалакша, где мы должны были пересест на местный поезд, который шел к Финской границе, вглубь края лесов и озер. Наш скорый поезд опоздал, и до отхода местного оставалось совсем мало времени. Пока отец ходил за билетами, я бегом перетащил наш багаж на дальний перрон и закинул все вещи в маленький тесный вагончик «рабочего» поезда. Как мы успели на него и не потеряли ни одной своей сумки, одному Богу известно. Очень уж не хотелось сидеть сутки в Кандалакше!

Небольшой пыхтящий паровозик, не торопясь, тащил наш поезд по тоненьким, узким, заросшим травой рельсам, долго стоял на небольших станциях, где находилась лишь одна будочка дежурного и не было даже платформы. Пока на остановках выгружали почту машинист выходил и долго беседовал с дежурным по станции и пассажирами. Мы со своей поклажей вызвали всеобщее любопытство, и нас принимали за «экспедицию». Туристов в этих краях тогда еще не знали. Сошли мы на станции Войта. Как сказали нам попутчики, следующая остановка была уже в пограничной зоне, а для проезда туда требовалось специальное разрешение. Нас окружали невысокие, покрытые еловым лесом сопки, за которые быстро садилось уставшее за день солнце. Сумерки покрывали все вокруг сиреневой дымкой, и только в чистом оранжевом небе светились редкие облака, еще освещенные солнцем. Скоро и они погасли. Кроме нас на станции никто из поезда не вышел.

Первую ночь в Карелии мы провели под навесом у домика дежурного по станции. Раннее утро принесло с собой первые заботы. Река Войта, по которой мы должны были спуститься на байдарке 10–12 километров до озера Толвант, пересохла. Среди черных камней, беспорядочно нагроможденных на ее дне, бежала узкая струйка воды. Провести по ней тяжело груженую лодку – нечего было и думать. Выручили работники лесхоза. Днем их старый, выдавший виды ЗИС-5, подпрыгивая на камнях и лесных гатях, повез нас вглубь тайги. В кузове дружно подсакивали и переворачивались наши тюки. Ружья и фотоаппарат мы держали в руках.

Перед нашими глазами проходила история Великой Отечественной войны. В 1942—43 годах здесь шли жестокие бои. Иссеченные снарядами и минами, деревья печально тянулись к небу оголенными вершинами. Вокруг были видны следы огня. Их не могли скрыть заросли вереска, брусники и розового иван-чая, спутника пожаров. Повсюду встречались полусгнившие бревенчатые накаты землянок, провалившиеся навесы над коновязями и стоянками машин. Между рухнувшими бревнами росли молодые деревья. На почерневших от времени и дождей табличках еще можно было разобрать слова, написанные чужими колючими буквами: «Achtung», «Kommandostelle», «Speisehalle». Время еще не залечило раны, нанесенные войной этому краю.

Попутная машина не довезла нас до озера. Дороги дальше не было. До воды оставалось еще более километра. По каменным сбросам и гнилым гатям, оставшимся от военных лет, мы «челноком» переносили на сотню метров наши тюки и мешки, по несколько раз возвращаясь за оставшимися вещами. Складная двухколесная тележка, на которой мы перевозили нашу байдарку, оказалась здесь бесполезной: ее тонкие маленькие колесики не могли пройти по бревнам старой провалившейся гати. Прощаясь с нами, лесники посоветовали нам не отходить далеко от берега: в тайге нередко подрывались на старых минах медведи. К тому же берега озер заросли такой мрачной, заболоченной и непроходимой тайгой, что уходить от открытой воды и нашей лодки нам не хотелось.

Глава 2

Озеро Толвант

Озеро открылось за деревьями неожиданно. Ветер гнал крутые свинцовые волны. Серые, поросшие мхом скалы круто спускались к самой воде. Солнечных полянок с мягкой травой не оказалось. Ничто вокруг не напоминало «идеальную» туристическую стоянку. Найдя более пологое место, мы собрали байдарку. Путь в тряском кузове грузовика не прошел для нее бесследно. Стрингер, шпангоут и две лопасти тонких, клееных, изящно изогнутых весел были сломаны. К счастью, инструменты и материалы для ремонта у нас с собой были. Когда наша лодка, узкая и длинная, как сигара, закачалась на воде возле большого камня, на который мы сложили гору наших вещей, нам стало не по себе: казалось, никакими силами не втиснуть все это в лодочное нутро. Наконец мы отвалили от берега, сидя на вещах высоко и неудобно, как на возу с сеном. Байдарка казалась неустойчивой. Приходилось жаться к берегу, не решаясь выходить на середину плеса. И только через несколько дней каждый мешок нашел свое место в лодке, разместившись в носовом и кормовом отсеках и под боковыми деками. Начался деловой, рабочий режим плавания.

Озеро Толвант лежит, как кривая сабля, брошенная великаном среди лесов и гор. Его ширина едва ли достигает полутора километров, а длина – больше тридцати пяти. Крутые каменистые берега покрыты лесом. Дикая красота озера с туманами, яркими красками тихих закатов и протяжными криками гагар не давала оставаться безразличными. Но для нас на первый план выходила проблема пропитания. Мы все время были голодны. Остатки грудинки, взятой в поезд, кончились, запасы риса таяли. Собираясь в дорогу, мы рассчитывали на охоту и рыбную ловлю, но с охотой что-то не ладилось. Мы часто слышали свист крыльев утиных стай. Они летели на кормежку на маленькие, заросшие осокой лесные озера. Добраться туда не было никакой возможности. А на открытой воде утки были осторожны и не подпускали нас на верный выстрел. Вечером, перед тем как вытащить байдарку на берег, мы ставили сеть. Громадная в комнате, она оказалась здесь до смешного короткой и маленькой. С какой стати сунется в нее рыба? Так и оказалось. Вокруг не было тихих заводей, поросших камышом и осокой, узких протоков, которые можно перегородить сетью, каменистое дно круто уходило вниз, а вода была чистой и прозрачной. Поэтому рыба легко обходила наше коварное приспособление. Только самые глупые, неопытные окуньки запутывались в ячее сети. Жарить их было нельзя: они были слишком маленькие, и мы варили уху-болтушку, засыпая ее блинной мукой. По вечерам после скудного ужина, когда догорал костер и его красные отблески пробегали по стволам сосен, наступали чудесные минуты перед сном. Тишина обволакивала тайгу и озеро и словно застывала в ушах. Большой день уходил в прошлое. Мы с отцом дома никогда не бывали так близки друг другу, как в эти минуты здесь, затерянные среди суровой северной природы.

Август в этих краях – уже начало осени. Но осенняя погода в тот год нас баловала. После первых ветреных суток установились тихие серебристые дни без дождя и ветра, хотя солнца было мало. Вода в озере напоминала олово, такой неподвижной она была. Осины на берегу уже были подернуты осенней ржавчиной и, как яркие флаги, выделялись среди темных елок и сосен. Лес, окружающий озеро, был полон сухих деревьев. Старые великаны, прожив долгую жизнь, высыхали на корню или, уступив силе зимних метелей, падали на землю, погружаясь в мох. Недостатка в топливе для костра у нас никогда не было.

В дальнем восточном конце озера мы вошли в тихую бухту окаймленную широкой полосой белого песчаного пляжа. Так непривычно было видеть песок после неласковых скалистых берегов. Над пляжем виднелись невысокие холмы, поросшие соснами. Брусника и черника сплошь покрывали землю. Необычайно легко дышалось смолистым пахучим воз-

духом. Удивительные покой и красота окружали нас в этом чудесном уголке, самой природой созданном для отдыха и созерцания. Мы назвали это место «Бухта Радости».

Светлым и строгим ушло за корму озеро Толвант. Расставаться с ним не хотелось. Но надо было двигаться дальше. Времени у нас было в обрез, а впереди нас ждали просторы Ковдозера и новые испытания. Долго ждать их не пришлось. Двадцатикилометровая река, соединяющая оба озера, тоже пересохла. С трудом мы нашли ее устье в заболоченном углу Толванта. Быстрые серебряные струи шумели на перекатах, в бочагах стояли форели. А берег, хранивший следы бурных весенних паводков, был весь забит чудесным пиленным лесом. Чего только не увидишь здесь, на Севере!

Глава 3

Ковдозеро

Всего несколько лет назад наше положение было бы незавидным: провести груженую байдарку через сплошные перекаты или перенести груз на плечах через тайгу было невыносимо. Скорее всего, вернулись бы назад. Но, услышав в тайге шум автомобильных моторов и сходяв на разведку, увидели километрах в двух строящуюся дорогу. Разобрали байдарку, уложили ее в мешки и шаг за шагом перетаскивали весь груз через лес к дороге. Здесь нам удалось поймать попутный самосвал и, оставив позади два десятка километров нового тракта и невообразимые ямы и топи объезда, мы вновь приобщились к цивилизации в большом поселке на берегу Ковдозера.

Этот поселок, называющийся Конец-Ковдозера, представлял собой странное для наших глаз зрелище. Вдали от берега на широких улицах стояли обычные для Севера добротные дома и лабазы, только совсем новые. Почта, клуб, магазин и столовая дополняли вид современного поселка. А ниже волны лизали плоский травянистый берег с улицами и тропинками, теряющимися в воде, остатками фундаментов, остовами печей и свежими пнями деревьев. Все носило следы разгрома. Мы не сразу поняли, что здесь произошло, и только расспросив встречных людей, узнали о большой плотине гидростанции на реке Ковде, соединяющей всю систему озер с Белым морем. Эта плотина подняла уровень воды в озерах на 6 метров, в результате чего низкие берега оказались затопленными.

Поселок Конец-Ковдозера в те годы был связан с внешним миром только водным путем. Дорога, по которой мы добрались до него, была еще не достроена, и все грузы, почта и люди приплывали сюда на катерах. Северные катера-труженики – это большие широко-скулые смолёные лодки с приподнятой на носу палубой и старым автомобильным мотором, прикрытым небольшой будкой. На мачте – обязательные для каждого моторного судна красный, зеленый и белый огни, повидавший виды флаг речного пароходства, иногда – антенна радиопередатчика. Приход катера – всегда событие для поселка. На маленькой бревенчатой пристани оживление: смех и крики, визг поросенка, люди суетятся, перетаскивают вещи. На берегу много моторных лодок. Чаще всего это довольно большие шаланды с трехсильным стационарным мотором ЛМ-3. Подвесных моторов, даже отечественных, мы почти не видели. А о мощных японских и американских моторах в то далекое время местные жители даже и не слышали.

Наши защитного цвета штормовки, рюкзаки, спальные мешки и палатка, необычная для здешних мест байдарка и все остальное снаряжение вызывали у жителей поселка законное любопытство: зачем мы здесь и что делаем? Где-нибудь в средней полосе России, на Кавказе или на Урале слово «турист» понятно каждому. Здесь же туристов не бывает и звучит это слово примерно как «бездельник». На Севере все занято делом и поездка на лодке лишь для того, чтобы посмотреть новые места, охотиться и рисовать, кажется непонятной и подозрительной. Мы это сразу почувствовали и стали называть себя «геологической экспедицией». Это было понятно каждому. Отправили с почты письмо домой и купили в магазине крупы, консервов и сгущенного молока на весь оставшийся путь. Хотели зайти в поссовет или милицию, чтобы рассказать о цели своего путешествия, но их поблизости не оказалось. Под удивленными взглядами мальчишек собрали свою байдарку и отправились в дальнейшее плавание.

Погода разъяснилась, и Ковдозеро, уходящее, как море, за горизонт, стало густого синего цвета. Разгулявшиеся на громадном плесе волны, шипя, лизали деку байдарки и захлестывали резиновый фартук, наглухо закрывавший кокпит. Низкий острый нос нашего тяжело груженого «Клеппера» так глубоко уходил под воду, что, казалось, никогда не выныр-

нет обратно. Нас выручал только высокий самодельный отбойник из фанеры, который мы укрепили в передней части байдарки поверх фирменного. Волны, ударяясь в него, расходились по сторонам и проходили за фальшбортами. На нас были фуфайки и штормовки, тяжелые резиновые сапоги, до подмышек мы были затянуты фартуком, и намочить нам совсем не хотелось. Сильный порывистый ветер не позволял поставить парус. Мы шли на веслах, держа лодку точно против ветра и волн. На широких плесах, где волны достигали метровой высоты, мы были вынуждены идти вдоль берега. Назад отступал бурый затопленный лес. Из воды торчали отдельные макушки деревьев, а под водой было полно коряг. Когда-то здесь был лесистый берег озера. Почему перед затоплением не свели лес, непонятно.

Начались суровые дни. Чтобы найти сухую стоянку, надо было пройти много километров по затопленному лесу пока не наткнешься на высокий холм, ставший островом или мысом. Много упавших деревьев преграждало нам путь. Они выглядели мрачно и опасно. Черная густая вода отражала голые стволы умирающих деревьев. Они захлебнулись, словно люди. Байдарка огибала эти стволы, порой по дну скреблись верхушки маленьких сосен или елей, навсегда ушедших под воду. Мы были все время начеку, боясь пропороть резиновое днище лодки. Среди затопленного леса иногда было трудно найти дорогу. Об очертаниях озера можно было только догадываться. Мы подолгу блуждали среди островов в поисках фарватера, натываясь на перешейки и завалы из деревьев.

Ружье держали постоянно наготове, но тщетно ждали свиста рябчика или грохота глухаря, сорвавшегося с макушки старой ели. Затопленный лес молчал. Все его сухопутные обитатели, потеряв родные гнездовья, ушли в новые сухие места. А уткам в лесу тоже делать было нечего. Выходя на плес, мы видели громадные утиные стаи вдалеке от берега, но подойти к ним на выстрел никак не удавалось. На стоянках мучили комары.

Бутылку с диметилфтолатом мы разбили в первый день и спасались под капюшонами штормовок. Ужинали в густом дыму костра, на ночь тщательно завешивали марлей вход в палатку, чтобы комары не набились внутрь. И все же сквозь сон постоянно слышали их писк; ближе, ближе, вот он замолкает, и рука сама тянется к лицу. Несмотря на утренние умывания, мы становились все грязнее и грязнее. На руки, черные от костра и чистки котелков, было страшно смотреть. Губы потрескались. Лица распухли от комариных укусов. Но мы были счастливы. Мы жили настоящей, полнокровной жизнью героев нашего любимого Джека Лондона.

Глава 4

Авария

И все-таки мы потерпели аварию. Тяжелая байдарка, переползая через затопленное дерево, зацепилась за него рулем. Мы не заметили этого и поплатились за невнимательность. Был ветреный, облачный день. Иногда проглядывало солнце и тогда становилось тепло и спокойно. Впереди открылся широкий, в два-три километра, плес, который нам надо было пересечь, чтобы выбраться из озера. Мы мерно, без натуги гребли, и лодка ровно шла на середину плеса. Вода в ней поднялась довольно высоко, прежде чем мы это заметили. Дело в том, что все дно байдарки было забито спальными мешками, палаткой и одеждой. Кроме того, мы сидели на надутых резиновых кругах. Изменив курс, мы высадились на маленьком голом островке. Скорости, с которой мы до него добирались, могли бы позавидовать гребцы-чемпионы. И все же в тот момент, когда лодка тяжело уткнулась в каменистый берег, ее борта еле-еле выступали над водой. Целые сутки мы сушили вещи и заклеивали разорванную в корме оболочку. Разложенные на камнях спальные мешки, одежда, рассыпанные для проветривания разные мелочи и наши полуголые фигуры у огня напоминали потерпевших кораблекрушение. Но наши дела были не так уж плохи: соль, сахар, спички и патроны сохранились сухими в наглухо закрученных медицинских пузырях для льда, а часть продуктов – в длинных резиновых мешках. Кроме того, у нас с собой был волшебный клей № 88, способный склеить все, что угодно. Кропотливо переклеили мы всю корму в новые дырки просунули болты, крепящие руль, и через сутки снова были готовы к плаванию. Вспоминая это происшествие, больше всего хочется благодарить судьбу за то, что в этот день не было дождя.

Иногда случались ветреные дни. Лучшим для нас был ветер, дующий сзади и несколько сбоку. Тогда можно было спокойно идти под парусом. Парус у нас был красивый, белый с оранжевыми полосками на швах. Тонкие реи и складная мачта несли его уверенно, гордо, и байдарка казалась нам большой птицей. Я до сих пор не могу забыть тех благословенных часов, когда, наклонившись для равновесия над одним из бортов, мы радовались быстрому ходу лодки, любовались сменой берегов, облаками и убегающей водой. Как приятно было двигаться вперед, ничего не делая! Правда и тут нужен был глаз да глаз. Тонкая мачта на растяжках-вантах не могла выдержать резких порывов ветра. А если бы устояла мачта, могла перевернуться байдарка. Поэтому за кажущимся бездельем скрывалось напряженное внимание: нужно было вовремя отпустить парус, пропуская неожиданно налетевший шквал, или быстро спустить его, если ветер становился уж слишком сильным. Так, с попутным ветром мы проходили много километров в день. Отстающие волны казались мягкими и спокойными. Лодка обгоняла их, оставляя за собой длинный пенистый след, брызги вылетали из-под острого носа, и весело было слушать неумолчный разговор воды и ветра.

Богатством Карелии всегда был ее лес. Он рос повсюду: на островах, среди скал, на далеких синих сопках. Порой встречались старые вырубki, где когда-то кипела работа. Иногда мы видели буксиры, медленно тянувшие тяжелые кошелы леса. Где-то эти бревна сплавляли с верхних озер, связывали и отправляли на лесобиржу. К первой запани у поселка Перекот мы подошли вечером. На берегу дымились трубы домов, чернели перевернутые вверх дном смоленые лодки. Над водой гулко разносились крики людей, лай собак и стук топоров. Маленький грязный буксир растаскивал лес по затону, формируя новый караван. Надо было искать проход в сплошном месиве плавающих бревен, по которому сплавщики с баграми в руках ходили как по твердой земле. Проход нашелся только под самым берегом. Медленно, метр за метром мы пробирались вперед, раздвигая руками и веслами тяжелые намокшие бревна. На берегу толпились любопытные. «Пройдем мы этим путем на Нотозеро?» – задали

вопрос мы. «Пройдете, коль не ульнете (если не потонете)», – отвечали голоса с ударением на последнем «е». А вслед за тем сыпались неизбежные вопросы: «откуда?», «куда?», «зачем?». Как всегда, всех удивляла наша байдарка: ее ярко синяя дека, желтые лакированные деревянные детали. Как можно плавать на такой игрушке? Впрочем, на этот вопрос мы отвечали делом: мучались у всех на глазах.

Глава 5

Северные похороны

От озера Лопского, следующего в цепи водной системы, нас отделяла только короткая протока. Но она вся была забита бревнами. При боковом ветре лес могло бы подогнать к одному из берегов и тогда открылся бы проход. Но ветра не было, и мы упорно продолжали расталкивать бревна и, оберегая тонкую оболочку от ударов, двигали лодку все вперед и вперед. Давно уже туман лег над запанью, растаяли в сумерках берега, а мы все болтались среди плавающих бревен неподалеку от поселка. Наконец, мокрые и усталые, пробившись к берегу и поставили палатку на каменистом откосе. Лежать было жестко и неудобно. Кажется, в первый раз нам не хватило топлива для костра.

Утром оказалось, что вчера в темноте мы не доплыли до края затора каких-нибудь ста метров. С берега были видны разводья, а за ними свободное пространство воды. Как сказали нам вчера, впереди, на озере Лопском, есть еще один поселок с сельмагом и большая запань. Нам было необходимо миновать ее засветло, и мы усиленно гребли в нужном направлении. Километра за два до поселка нам встретилась похоронная процессия. Медленно, одна за другой, шли четыре-пять лодок с людьми. Издали слышались плач и причитания. На первой лодке – грубый тяжелый гроб. В нем, устремив невидящие глаза в серое небо, лежал северный труженик, совершающий свое последнее плавание по родному озеру. Вдали, как громадная голова с поднявшимися дыбом черными волосами, возвышался над водой скалистый остров, заросший соснами. К нему и направлялась процессия. Кругом скалы, и выкопать могилу невозможно. Поэтому кладбище устроено на этом диком острове, где прямо на поверхности стоят большие тесовые ящики, обложенные камнями. Подошли поближе и мы. В камнях неподалеку друг от друга возвышались раскрашенные яркими красками северные саркофаги. Перед ними стояли такие же непривычные нашему глазу кресты с маленькими перекладами. Одни из них покосились, другие упали. Суровая картина вечного покоя усиливалась низкими тучами и резкими порывами ветра, несущего капли дождя.

Нам надо было заехать в магазин купить хлеба и пополнить запасы сгущенного молока, которые у нас почему-то быстро таяли. Об озерном магазине следует рассказать подробнее. Без указки его найти было трудно. Недалеко от берега, в общем ряду сараев и лабазов, стоял крепкий бревенчатый сруб без окон. На массивной окованной двери висел громадный замок. Никакой вывески. Кругом не было ни души. Постучали в ближайший дом, спросили, где продавец. Ответили, что дома, занят хозяйством, рассказали, где он живет. Нашли продавца. Он ничуть не был удивлен нашим визитом. Магазин открывался в любое время дня по требованию покупателей. Распахнули дверь, и дневной свет осветил внутренность северного универсама. Чего только не было в его тесноте! Продукты питания, материи, обувь и одежда, галантерея и культтовары, сети, крючки, ружья и боеприпасы – все, что может понадобиться лесорубам, сплавщикам, рыбакам и охотникам. Снабжение здесь было существенно лучше, чем в средней полосе. Кроме сгущенки и хлеба купили пачку ячменного кофе и большую банку джема. На ближайшей стоянке мы с наслаждением пили этот суррогатный кофе с молоком и ели оладьи с джемом. Роскошная еда!

Вот и последняя запань. С озера накатывалась волна, но за скованными цепями толстыми бревнами было тихо. Сняв часы и вынув из нагрудного кармана клеенчатый сверток с документами и деньгами, отец вылез на конец бревна. Под его тяжестью дерево ушло в воду и позволило провести над ним байдарку. Путь в верхние озера был свободен!

Глава 6

Озеро Пудос

Чем дальше мы уходили от Ковдозера, тем меньше было на берегах следов затопления. Деревья все реже стояли «по колено» в воде. Берега становились суше и приветливее. На нашем пути была река Тюлля. Раньше она была мелкой, путь лодкам преграждал порог. Но поднявшаяся вода покрыла его, и только по упругой, глянцевої струе, прорывавшейся между скалистыми берегами, можно было угадать его присутствие. Встречное течение было настолько сильным, что лодка почти не двигалась, хотя мы гребли изо всех сил. Мимо стремительно проносились опасные бревна. Весла гнулись, и казалось, что сердце выскочит из груди. Но все же пройти Тюлю удалось. На реке нам встретился водометный катер. Струя воды, вырываясь из-под кормы, толкала его вперед, и ему были не страшны бревна. Разбрасывая, словно щепки, стволы деревьев, катер налезал на них приподнятым носом, подминал под себя и, как ледокол во льду, расчищал себе путь. Рядом с ним в своем утлом суденышке мы чувствовали себя довольно беспомощными.

Пройдя несколько мелких озер, добрались до озера Нот. Где-то сбоку остались глубокие форелевые озера – Верхние, Средние и Нижние Кичаны, впереди озеро Кукас и громадное, как море, Тикшозеро. Нет конца этой водной цепи, но нельзя, к сожалению, побывать всюду. Из Нотозера поднялись в маленькое горное озеро Пудос. Нам понравилось это название: в нем было что-то греческое. Мы не сразу нашли речку, вытекающую из этого озера, так она заросла камышами. Только здесь, в конце пути, началась настоящая охота. Из зарослей то и дело поднимались тяжелые кряквы и маленькие быстрые чирки. Несколько выстрелов – и пара жирных крякв уже лежала у нас в лодке. Здесь голодать не пришлось бы. Вошли в речку. Сначала шли на веслах, потом, когда воды стало меньше, повели байдарку на бечеве. Последние сотни метров, стоя на камнях среди бешеных потоков воды, буквально на руках протолкнули лодку против течения и внесли ее в озеро Пудос.

Вход в озеро оказался ограниченным двумя поросшими лесом горами. С ними была связана трогательная легенда: здесь давным-давно жили двое влюбленных. Их любовь встретила препятствие, но расстаться они не захотели и превратились в две горы. И вот стоят теперь рядом Иван-гора и Ирин-гора, сторожа покой прозрачного озера. Берега отражались в зеркальной глади Пудоса. Горы закрывали озеро от ветра, и вода в нем всегда была спокойная. Оно показалось нам маленьким, но это ощущение было обманчивым. Окружающие горы были довольно высокими, и правильное ощущение расстояния терялось. Только внимательно посмотрев на противоположный берег, можно было увидеть тоненькие черточки стволов берез, шапки сосен и острые конусы елей и понять, как они далеко.

Поставив на берегу палатку, мы решили попытаться счастья в рыбной ловле. Выкинули за корму блесну с крючком на длинной зеленой леске «Сатурн» и пошли, не торопясь, вдоль берега. Отец, сидя впереди, потихоньку греб, а я держал в руке конец лесы, привязанный к длинной деревянной дощечке с пропилами на концах. Неожиданно что-то резко дернуло мою руку. Сначала я не поверил, что это рыба. Думал, задела блесной за дно. Но рывок был упругим, и я стал наматывать лесу на дощечку. Даже и сейчас, когда я пишу эти строки, у меня захватывает дух. Сначала метрах в пятнадцати за кормой показался из воды крутой плавник, чиркнул по поверхности и снова исчез. А потом отчаянным прыжком выкинулась из воды длинная, серебристо-синяя, с красными перьями плавников, красавица рыба. Леса дрожала и со звоном рассекала воду. Это в глубине наша добыча металась из стороны в сторону. Наконец, под водой осталось всего несколько метров лесы, и мы ясно увидели «ее». Растопырив плавники, как бы упираясь ими об воду «она» яростно била хвостом и раскрывала свою хищную пасть, сопротивляясь из последних сил. Багра у нас не было, и

отец с большим трудом схватил рыбу двумя руками и перетащил через борт в лодку. Это была кумжа – пресноводная семга. Я не буду говорить об ее величине и весе, ведь вы все равно не поверите. Но мы ели ее в разных видах весь следующий день.

Азарт рыбной ловли заставил нас забыть о времени. Из-за гор выползли тучи, пошел дождь, и только в сумерках, голодные и мокрые, мы добрались до лагеря и вытащили лодку на берег. Вот и пришла, наконец, эта дождливая сырая ночь, от которой так долго избавляла нас погода. Капли дождя стучали по крыше палатки и по днищу перевернутой лодки. Ветер рвался в наглухо задраенный вход. Мокрые стены провисли, и от неосторожного касания из них начинала сочиться вода. Но когда в палатке деловито зашумел примус, когда мы согрелись, надели сухую одежду и поели, шум дождя показался нам колыбельной песней, и мы вскоре уснули. Во всем есть своя прелесть.

Дни на Пудосе прошли быстро. Мы слишком долго добирались до цели, а когда, наконец, добрались, оказалось, что пора возвращаться. Тем не менее, это был настоящий отдых, которого мы не знали в течение долгого времени. Отец рисовал этюды, а я ловил рыбу, стрелял уток и собирал ягоды. Уха, жареная рыба, утятина – мы отъедались за много дней жизни впроголодь. Нам было очень хорошо среди этой молчаливой, суровой и такой щедрой к нам природы. Уходить с Пудоса не хотелось. В разговорах мы фантазировали о строительстве зимовья на озере и о жизни в нем вдвоем, без городской суеты, работы и учебы. Жизнь лесовиков: охота, рыбалка, натуральное хозяйство – что может быть лучше! Война и лесные пожары не тронули берегов Пудоса. Они были похожи на края глубокой сине-зеленой чаши, на дне которой заснуло озеро. Мне часто приходилось слышать восторженные рассказы о красотах юга. Да и самому не раз довелось побывать в южных странах. Но разве можно их сравнить с богатством красок севера. Такие закаты, как здесь, на севере Карелии, я видел только в одном месте – в той же самой Карелии, только еще севернее, на Белом море. А ведь обычно говорят об однообразии северной природы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.